

**СЕМИОТИКА КОНЦЕПТА «НОВЫЙ СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК»
В ТВОРЧЕСТВЕ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ:
ОТ ЦИКЛА «МИР ПОЛУДНЯ»
ДО РОМАНА «ГРАД ОБРЕЧЕННЫЙ»**

Т. В. Савина

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
630102, Россия, Новосибирск, ул. Нижегородская, 6
Поступила в редакцию 29.10.2024 г.
Принята к публикации 15.04.2025 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-12

Предпринята попытка реконструкции генезиса концепта «новый советский человек» в русле коммунистической идеологии. Междисциплинарная исследовательская оптика позволяет анализировать развитие концепта «советский человек» на границе между лингвистикой и историей сквозь призму художественного текста братьев А. Н. и Б. Н. Стругацких. В результате художественный текст рассмотрен здесь как семиотическая модель коммуникации, в которой отправитель текста и его адресат связаны между собой языком повествования в качестве объектов исторического анализа. Тема «нового человека» составляет историсофское ядро творчества братьев Стругацких. Уже в ранних произведениях братья Стругацкие сформулировали магистральные характеристики концепта «советского человека» как человека труда (дела), человека долга (жертвы) и человека науки (просвещения). Этот концепт претерпел в творчестве Стругацких существенную трансформацию. Анализ семиосферы романа «Град обреченный» (1975) показывает, что Стругацким удалось через знаковую систему образов проследить генезис концепта «советского человека», от революционера-разрушителя 1920-х годов к строителю-созидателю 1930-х; от человека-исполнителя («винтика государственной машины») 1940–1950-х годов до человека «развитого социализма» 1960–1970-х. Это, в свою очередь, позволяет обозначить как дефициты концепта «нового советского человека» (в первую очередь, его зависимость от идеологии), так и его вневременную витальность и привлекательность.

Ключевые слова: «новый советский человек», концепт, семиотика, братья Стругацкие, «Град обреченный»

1. Введение

К фундаментальным вопросам современного гуманитарного знания принадлежит проблема осмысления феномена советской цивилизации и, как ее частный случай, — реконструкция генезиса «советского человека». Трансформацию традиционных социальных ролей и формирование советской идентичности акторов активно изучает историческая наука. Исследователи строят разные объяснительные модели,

которые порой разнятся радикальным образом. Палитра черт советской идентичности крайне широка: от приспособления и мимикрии до полной идентификации с ценностями советского современного проекта¹.

Синтез объяснительных моделей позволяет выдвинуть тезис о четырех магистральных характеристиках «нового советского человека». Во-первых, проект «советского человека» представлял собой плод реализации базовых идей эпохи Просвещения, в первую очередь — идей эмансипации в области образования, гендерной эмансипации, эмансипации молодежи и т.д. Клаус Гества констатировал: «Миф о “новом человеке” — изобретение вовсе не советское, это часть европейской истории идей, начинающаяся с XVIII в. <...> Но ни в одной другой стране миф о “новом человеке” не имел настолько сильного влияния на характер социальной идентичности и политическое воздействие, как в Советском Союзе» (Гества 2013, с. 111). Во-вторых, «новый советский человек» был человеком труда в обществе, где труд воспринимался как высшая социальная ценность. В-третьих, «советский человек» обязательно был человеком героическим, а Советский Союз — страной героев (Савин 2019). В-четвертых, «советский человек» в обязательном порядке был «человеком политическим», причем степень его политического участия была максимальной с учетом того, что советская власть политизировала все сферы жизни, начиная с работы и заканчивая досугом.

Филологическая наука также интенсивно изучает советский проект и изменения в русском языке советского периода. В основном усилия лингвистов направлены на исследования семантических трансформаций в языке, происходивших под давлением идеологии, с привлечением обширных лексикографических источников в виде толковых словарей и прецедентных текстов². В целом лингвисты опираются на тезис, сформулированный М.М. Бахтиным, что язык сам по себе не может выражать никакой политической идеологии — только носитель языка способен транслировать идеологию через язык, адаптируя лексические средства к политическому заказу (Бахтин 1986), поэтому именно язык становится ключом к пониманию революционной трансформации русского ментального мира в мир «советского человека» (Халфин 2023).

Специфика развития русского языка под давлением идеологии помещает исследования идеологием советского времени, к которым, несомненно, относится концепт «нового советского человека», на границу между историческим знанием и лингвистикой. В результате привычные методы изучения концептов как взаимоотношения языковых еди-

¹ Написанная историками литература на тему «нового советского человека» огромна. В качестве двух полярно противоположных точек зрения см.: (Fitzpatrick 2005; Куомиа 2003). Судьба советского проекта по созданию «нового человека» в постсталинский период с разных точек зрения рассматривается, например, в сборнике статей (Пинский 2018).

² Лингвистических исследований концепта «советский человек» гораздо меньше. Необходимо выделить исследования: (Купина 1995; 2012). См. также: (Савина 2023; Сичинава 2022; Фокин 2022) и работы А.П. Чудинова в русле политической лингвистики, изучающей влияние общественных и политических событий на изменения в языке.

ниц и языковых элементов не срабатывают. Семантический анализ также оказывается недостаточным для того, чтобы проследить глубинные смыслы и трансформации концептов с учетом экстралингвистических факторов. Языкознание, в свою очередь, рассматривает идеологические концепты в политическом диалоге между властью и населением как «сверхтекст», то есть как совокупность высказываний, объединенных содержательно и имеющих единую модальную установку (Купина 1995, с. 53). По мысли Ю.М. Лотмана, текст работает как «мыслящее устройство» — не только передает значения, но и порождает новые смыслы. Такая постановка вопроса дает возможность поместить идеологические концепты в семиотическую модель коммуникации (Лотман 2000, с. 152), в которой отправитель текста и его адресат как объекты исторического анализа связаны между собой языком. Язык таким образом является единым каналом информации, идеологема становится знаком, а лингвистический инструментарий исследования получает решающее значение (Иванова 2020).

Цель настоящей статьи — воспользоваться методологическими новациями лингвистического поворота в истории и попытаться реконструировать сложный процесс генезиса формирования «нового советского человека» с использованием оригинальной исследовательской оптики — посредством анализа семиотики ряда произведений А.Н. и Б.Н. Стругацких с акцентом на роман «Град обреченный».

Исследователи советского проекта не впервые обращаются к творчеству братьев Стругацких. Так, Райнер Гольдт рассмотрел проблему формирования нравственного идеала личности ученого в условиях постсталинского времени в романе «За миллиард лет до конца света», который он охарактеризовал как «программный» «для научного этоса позднего СССР» (Гольдт 2012, с. 85). Существует множество философско-религиозных, социально-политических, психологических и прочих интерпретаций романа «Град обреченный». Однако с точки зрения жанра «Град...» более всего подходит под определение «романа-метафоры»: исторический процесс XX века и человек в нем сливаются в один образ, а нарратив имеет явно знаковую природу.

Тема «нового человека», человека будущего, коммунара, человека труда составляет историософское ядро творчества Стругацких. Вопрос о том, как из человека прошлого воспитать или сделать человека будущего, в том числе путем насилия, — коренной вопрос творчества Стругацких — явно или подспудно присутствует во всех их главных произведениях: герои «Мира Полудня», «прогрессоры» из романа «Трудно быть богом», «людены» из романа «Волны гасят ветер». Но и здесь «Град обреченный» (1972–1975), впервые полностью опубликованный в 1989 году, занимает особое место. Это также роман-ретроспекция: авторы, будучи сами продуктами советской эпохи, последовательно проводят героя через все стадии развития коммунистической идеологии, от романтизированной идеи революционного преобразования мира до застывшей «площади со статуями» эпохи так называемого «застоя». Иными словами, братья Стругацкие предприняли попытку в художе-

ственной форме проследить трансформацию концепта «советский человек» вплоть до семидесятых годов и даже предсказать дальнейшее его развитие.

2. Концепт «нового советского человека» в «Мире Полудня»

2.1. «Человек труда»

Литература «оттепели» ознаменовала начало разрушения официального языкового канона. Уже первые произведения братьев Стругацких заметно отличались языком повествования, который был практически лишен языковых шаблонов и стремился к естественности. При этом парадоксально, но практически все их произведения, входящие в цикл коммунистического «Полудня», можно отнести к «производственному» роману, хотя они написаны в жанре научной фантастики (Тулчинский 2024). Как отмечал Г. Горин (1959) в рецензии на «Страну багровых туч», «их тема — люди в космосе, простые советские люди». Собственно, от фантастики там остался только антураж — покорение Венеры, космические корабли, поиски урановой Голконды. Конфликты же и ситуации — полностью производственные, которые могли случиться при работе, допустим, в пустыне или горах. «Советскость» героев определяется не столько гражданской идентичностью, сколько преданностью своему делу. Так, например, и космонавт-индус, найденный мертвым в своей ракете, и британский астронавт, терпящий бедствие в космосе, и китайский звездолетчик — все они объединяются авторами в сообщество людей, которые трудятся на своем посту. «Путь на Амальтею» и «Стажеры» тоже не выходят за рамки «производственного романа», поскольку коллизии путешествия «оверсаном» на Юпитер вполне соответствуют земным проблемам на дальних маршрутах или в исследовательских партиях на Крайнем Севере. Локальные указатели, входящие в идеологему пространства *Советский Союз*, говорят о том, что на раннем этапе творчества будущее мыслилось Стругацкими определенно коммунистическим: «На вершине глыбы, вытянув руку над городом, весь подавшись вперед, стоял Ленин <...>. Ленин протягивал руку над этим городом и над этим миром, над сияющим и прекрасным миром, который он видел два столетия назад» (Стругацкий, Стругацкий 1992а, с. 79).

2.2. Деидеологизация концепта.

От «человека труда» к «человеку дела»

В ранних произведениях Стругацких все еще очень силен пафос «борьбы», «героя» и «жертвы». Инерция развития литературного процесса предшествующих периодов была такова, что в концепт «советского человека» оказалась прочно вшита семантика «подвига». К 1970-м годам литература и кинематограф создали целую галерею «героев-революционеров», «пионеров-героев», «героев-фронтовиков», «героев трудового подвига». Формула «мы — советские люди» в литературе всегда

предполагала изображение крайних ситуаций — если не подвига, то героического поступка, или напряжения всех сил, или решительного шага, или непростого решения³.

Жертвуют жизнью и герои «Страны багровых туч», и герои «Стажеров», но не ради некоей политической идеи, а ради науки, то есть ради своего дела. Уже в произведениях цикла «Полдень, XXI век» авторы настойчиво подчеркивают ядерное значение семантического поля концепта «советский человек» — это человек *дела*, когда подвиг является лишь производной, он возможен в крайней ситуации, но не абсолютно обязателен. Для Стругацких «советский человек» — это уже не герой, жертвенно кладущий свою жизнь на «подходящий алтарь»⁴, а человек дела. Пожалуй, впервые в советской литературе прозвучала тема «маленького советского человека» в противовес «героической» литературе 1930–1940-х годов.

«Маленькие советские люди» Стругацких не все летают в космос, но на них держится «равновесие мира», поскольку каждый из них занят своим делом. Словами героя «Стажеров» Ивана Жилина, штурмана звездного корабля, авторы формулируют свое кредо: «Таковыми, какими мы становимся, нас делают люди. <...> Раньше главным было дать человеку свободу стать тем, чем ему хочется быть. А теперь главное — показать человеку, каким надо стать для того, чтобы быть по-человечески счастливым» (Стругацкий, Стругацкий 1992б, с. 182). В противопоставлении «раньше» и «сейчас» уже прослеживается сдвиг от официальной партийной идеологии в сторону общих социальных ценностей.

Интересно, что уже на раннем этапе творчества Стругацкие избегают использовать слово «труд» в его идеологизированном и героизированном значении: передовой отряд трудящихся, социалистический труд, класс трудящихся, советские люди, трудящиеся всех стран и т. п. В этом смысле значение понятия «дело» больше тяготеет у них к «работе», чем к «труду». При этом «дело» намеренно лишено каких-либо оценочных эпитетов, свойственных употреблению слова «труд» («священный», «великий», «святой» или, в духе агитационной поэзии В. Маяковского, «боевой»). Единственный, пожалуй, эпитет, который используют Стругацкие, это «дело всей его жизни», что вполне соответствует общему посылу их произведений.

Замена в семантической парадигме понятия «советский человек» семьи «труд» семьей «дело» способствовала опосредованной и неявной деидеологизации всего концепта, это была скорее всего интуитивная попытка разрушить официальную языковую формулу, не посягая на ее

³ Например, сборник рассказов Бориса Полевого «Мы — советские люди» (Полевой 1948) включал сюжеты не только военных, но и трудовых подвигов на стройках, производстве, в частной жизни, даже в искусстве. Сборник получил Сталинскую премию второй степени.

⁴ Примечателен диалог между героями «Стажеров»: один видит «смысл жизни в том, чтобы положить живот на подходящий алтарь», то есть в подвигах и героической смерти, другой убежден в том, что «рисковать жизнью разрешается только ради жизни. Это придумали не люди. Это продиктовала история, а люди только сделали эту историю» (Стругацкий, Стругацкий 1992б, с. 243–244).

содержание. Происходил принципиальный, но пока очень тонкий сдвиг — «советский человек» оставался человеком труда, но труд мыслился Стругацкими как *modus operandi* любого человека вне зависимости от его гражданской идентичности.

2.3. От «коммуниста» к «коммунару»

При замене семы «труда» на сему «дело» «советскость» ранних героев Стругацких становится внепартийной. Да, они живут в коммунистическом завтра, но заняты не столько политическим и социальным, сколько технологическим преобразованием мира. Пожалуй, единственный случай, когда Стругацкие акцентировали партийную принадлежность героев «Страны Багровых туч», таков: «Их человеческие черты сцементированы общим для всех глубоким, бесценным фоном: все они коммунисты, люди чести и дела» (Стругацкий, Стругацкий 1993а, с. 99). Однако в целом Стругацкие практически не используют слово «коммунист», предпочитая номинацию «коммунар» и в этом проявляется существенная разница: «коммунист» — это партийная принадлежность, в то время как «коммунар» для них — это идейная и даже этическая основа человеческих поступков и суждений. «Коммунар» — это романтизированное представление самих Стругацких об идее всеобщего счастья. Даже в более позднем творчестве они не отказываются от идеи «коммунаров». Один из героев повести «Трудно быть богом», разведчик Земли на отсталой планете, говорит: «В каждом из нас благородный подонки борется с коммунаром. И все вокруг помогают подонку, а коммунар один-одинешенек — до Земли тысяча лет и тысяча парсеков. <...> Останемся коммунарами» (Стругацкий, Стругацкий 1990б, с. 136).

Для Стругацких «коммунар» — это отнюдь не член коммунистической партии, но это определенно идеолог, чье предназначение, однако, они понимали иначе, чем советская власть (Стругацкий 2001). По их убеждению, «коммунар» должен был заниматься воспитанием личности, а не «дрессировкой человек» (Стругацкий, Стругацкий 1993б, с. 422), то есть только политическим воспитанием. По этой причине в произведениях Стругацких совершенно отсутствуют «трудящиеся массы» как «передовой отряд», поскольку в коммунистическом завтра они, по мысли авторов, уже качественно изменились. Собираетелный герой Стругацких — это только представитель научной интеллигенции, то есть человек рефлексирующий, который уже действует не по внешнему, а по выбору.

Идея «нового человека», которого воспитает новое общество, была настолько привлекательной, что даже при очевидной дискредитации советской политической практикой она оказалась невероятно устойчивой к разрушению по всем четырем базовым составляющим: человек-просветитель, человек труда, герой и активный участник социальных преобразований. Трудно спорить с объективно положительным зарядом каждой из составных частей этого концепта. Однако, если убрать цементирующую этот концепт идеологическую модальность, то каж-

дый из элементов поддается если не демифологизации, то критическому переосмыслению. Именно это сделали Стругацкие в романе «Град обреченный», поместив рядового советского человека в пространство, в котором изначально нет не только подобия идеологии, но даже какого-либо внятного социального строя.

3. «Советский человек» в идеологическом вакууме «Града обреченного»

Братья Стругацкие писали роман «Град обреченный» в 1970-х годах в состоянии мировоззренческого кризиса. Как они вспоминали позднее, «единственная существующая теория перехода к Обществу Справедливости оказалась никуда не годной, а никакой другой теории на социологических горизонтах не усматривается» (Стругацкий, Стругацкий 1993б, с. 429). Роман писался «в стол», поэтому авторы не были ограничены ни соображениями цензуры, ни конъюнктурой. Сами Стругацкие утверждали, что основной задачей романа было «показать, как происходит перелом в психологии, как происходит перелом в мировоззрении человека, который начинает как верующий раб, потом теряет веру, теряет бога, теряет хозяина и остается в безвоздушном пространстве, без опоры под ногами» (Бондаренко, Курильский 2014, с. 474).

Главный герой Андрей Воронин попадает в рамках некоего Эксперимента из СССР 1951 года в искусственное пространство — Город, Жители которого раз в месяц меняют работу на основании закона «о праве на разнообразный труд». Воронин последовательно становится мусорщиком, следователем прокуратуры, главным редактором городской газеты. В этой точке карьеры он переживает политический переворот и попадает на вершину сообщества — становится советником господина президента. В этом качестве он возглавляет экспедицию, чтобы дойти до края мира. Потеряв по дороге команду и оборудование, пережив сюрреальные события, он в итоге стреляется и возвращается в 1951 год.

С точки зрения метакоммуникативной функции текста дата «1951 год» является, несомненно, культурным кодом для читателя. Начало 1950-х годов — это пик сталинской власти, когда форма и содержание идеологического высказывания были слиты воедино (Юрчак 2014, с. 268), то есть возможность сверттекста «порождать новые смыслы» жестко подавлялась идеологическими рамками.

3.1. «Разрушитель-мусорщик»

В начале романа Воронин появляется в Городе со всем накопленным советским идеологическим багажом. Абсолютно закономерно, что по своей первой профессии в Городе он — *мусорщик*, а пространство, в которое помещен Воронин, — это *руины* прошлого города. Мотив разгребания *мусора* и строительства *нового* весьма характерен для литературы и поэзии 1920-х годов в полном соответствии с месседжем «Интернационала»: «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем /

Мы наш, мы новый мир построим...» Он готов трудиться и бороться, пусть даже с неясными целями. Он стремится к переделке мира, в который попал, пусть даже не осознавая, какими средствами. Он — настоящий «советский человек», готовый пожертвовать жизнью во имя Сталина, даже при его отсутствии в этом пространстве.

Человеческий ресурс Города конструируется Стругацкими как многонациональный — здесь и русские, и немцы, есть шведка, китаец, японец, американец, итальянец, поляк. Воронин с ходу включает всех в свое личное пространство как участников борьбы в мировых масштабах. Правда, ему не совсем понятно, за что именно — ну пусть будет, допустим, «установление диктатуры пролетариата в союзе с трудящимися фермерами» (Стругацкий, Стругацкий 1990а, с. 63).

В целом Воронин-мусорщик показан как «советский человек» двадцатых-тридцатых годов XX века в его «накаленном, героизированном варианте» (Черняховская 2011, с. 65), но что действительно прописано выпукло, так это его высокомерие «советского человека». Как с горечью говорил Борис Стругацкий, «выросло... поколение... нравственно изуродованных, сгорбленных, скрюченных до того, что сами себе казались высокими и стройными, а весь мир вокруг представлялся им изуродованным, сгорбленным и скрюченным, а следовательно — нуждавшимся в решительном исправлении» (Стругацкий, Стругацкий 1993в, с. 433). Воронин искренне полагает себя носителем уникального опыта по переустройству мира и на этом основании считает себя лучше других, с ходу поучая шведку Сельму, как жить и что делать: «В люди бы вышла... Инженером бы стала, учителем... Могла бы вступить в компартию, боролась бы за социализм». Узнав, что Сельма Нагель — проститутка, Воронин гордо прощает ее: «И ты не воображай, пожалуйста, что я обиделся лично на тебя. Это с теми, кто тебя до такого довел, у меня да — личные счеты» (Стругацкий, Стругацкий 1990а, с. 45–46). Советский человек искренне считал, что *мы* — *лучшие*, потому что у *нас* за плечами такие жертвы; *мы* лучше всех знаем, как надо, потому что у нас такой опыт; *мы* лучше других умеем, потому что столько всего сделали — семантика превосходства над «другими», не «советскими», была прочно и надолго встроена в концепт «советского человека».

3.2. «Советский человек» как «винтик»

При смене профессии Воронин становится следователем прокуратуры, человеком — винтиком государственной машины, что отражает концепт «советского» человека, доминировавший в 1940–1950-е годы. Пространство вокруг Воронина наполнено пугающей угрозой — мифический Антигород (источник возможной агрессии), мифическое Красное здание (источник разрушающего скептицизма и сомнения), мифические люди, падающие с Желтой стены (источник внутренней угрозы). Выполняя «свой долг перед Экспериментом», Воронин отправляет в тюрьму лучшего друга, жертвует связями с близкими, совершает предательство по отношению к самому себе, но все это ради общественного блага. «Что такое единица? Ноль без палочки. Не о

единицах речь, а об общественном благе. Во имя общественного блага мы обязаны принять на свою ветхозаветную совесть любые тяжести, нарушить любые писанные и неписанные законы. У нас один закон: общественное благо» (Там же, с. 145). «Советский человек» сталинской эпохи был только *деталью* одного большого дела.

Интересно, что для описания именно этого периода Стругацкие создают впечатляющую метафору Красного здания, попадая в которое Воронин играет в шахматы с не названным по имени «великим стратегом», в котором без труда узнается Сталин. Жертвует фигуру за фигурой, Воронин мучается мыслью: «Я... всего-навсего солдат. Тот самый, который размышлять не умеет и потому должен повиноваться слепо. И никакой я не партнер, не союзник великого стратега, а крошечный винтик⁵ в его колоссальной машине» (Там же, с. 110). В этих рассуждениях Воронина отчетливо виден тот значительный сдвиг в модели «советского человека», который произошел к середине тридцатых годов, от индивидуального к массовому (Молостова 2012, с. 171). Формировался человек, чувствовавший себя только частью общего дела — построения коммунизма. И труд, и героизм утратили индивидуальные черты, стали коллективными, а раннесоветские идеи просвещения «советского человека» приняли форму массовой социальной мобильности, когда посредством трудового или военного подвига можно было не только выйти на другой социальный уровень, но и войти в партийную элиту.

Приобщенность к одному большому делу формировала чувство ответственности. Воронин-следователь постоянно апеллирует к своему «долгу перед Экспериментом», однако при этом он удивительно инфантилен, не может самостоятельно принять ни одного решения и постоянно советуется с Наставником. Наставник — одна из самых загадочных фигур в этом пространстве. По мнению Воронина, он обладает уникальным знанием об этом мире, является организатором Эксперимента и некой направляющей силой. Наставник вездесущ и мудр. Он единственный, кто является носителем идеологии, хотя отчетливо видно, что это идеология самого Воронина. Отношения между Ворониным и Наставником явно патерналистские и демонстрируют иерархию отношений, сложившуюся между партией и населением позднесталинского периода: только партия обладает знанием цели и ведет к нему незнающее большинство. Именно эта идеологическая модальность скрепляла воедино составные части концепта «советский человек». Емкий девиз «Партия — наш рулевой» авторства С. В. Михалкова семантически расширил значение «советский» до «коммунистический», поглотив и «большевиков», и «комиссаров» в их романтизированном и героизированном, но уже не актуальном значении.

⁵ Использование Стругацкими метафоры «винтик» напрямую отсылает к знаменитому тосту И. В. Сталина на приеме в Кремле в честь участников парада Победы 25 июня 1945 года: «Я подымаю тост за людей простых, обычных, скромных, за “винтики”, которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела. Их очень много, имя им легион, потому что это десятки миллионов людей» (Сталин 1997, с. 232).

3.3. «Советский человек» между потреблением и идеей

Назначение Воронина на третью профессию, редактора газеты, совпало с государственным переворотом. «Мы больше не признаем Эксперимент» — заявляет Воронин, хотя Наставник дает ему понять, что и хаос, и переворот — части Эксперимента. Перевороту предшествует нарастание тревоги, конфликт между руководством Города и частью населения, и как итог — хаос в Городе: над ним «выключили» солнце. Метафорически это можно понимать, как утрату идеологических ориентиров после смерти Сталина, непродуманных реформ Хрущева и «дворцового переворота» Брежнева. Если согласиться с мнением политолога А. Эванса, что после смещения Хрущева брежневское руководство столкнулось с проблемой «идеологического вакуума» (Evans 1994, p. 107), официально отказавшись от части прежней идеологии («мы больше не признаем Эксперимент»), но не придумав на замену ничего нового («Эксперимент продолжается»), то новой квазиидеологией становится идея всеобщего благосостояния, а социальная структура предельно проста: есть государственная элита и остальное население. В сущности, по отношению к остальным элита занимает место Наставников — руководит, объясняет, направляет. И Эксперимент действительно продолжается, поскольку в Город постоянно прибывают новички.

После переворота Воронин входит в элиту — становится советником нового президента. Элита занята пропагандой и потреблением, массы — просто потреблением. «Мы делаем то, чего хочет подавляющее большинство. И мы этому большинству даем или стараемся дать все, кроме птичьего молока, которое, кстати, этому большинству и не требуется. <...> Или ты действительно считаешь, что это быдло можно поднять до элитарного уровня? <...> Быдло есть быдло» (Стругацкий, Стругацкий 1990а, с. 222–223). Новая пирамида привилегий не требовала трудового подвига, героизма или жертвы — только лояльности. При этом литература и кинематограф в Городе находятся в состоянии загнивания. Обитатели Города после переворота один час в день должны отработать на Великой стройке. Они все роют какую-то яму, никто, включая Воронина, не знает зачем. Каждый должен пройти тест на «уровень интеллигентности», тоже неизвестно для чего. «Вы отбираете у людей заботу о хлебе насущном и ничего не даете им взамен. Людям становится тошно и скучно», — говорит один из героев, предрекая «сытые бунты» (Там же, с. 222).

Парадоксально, но при отсутствии скрепляющей идеологической модальности концепт «советского человека» не развалился на части — каждый его элемент по отдельности утратил движение или рутинизировался. Оказывается, деидеологизированное общество неспособно развиваться, не имея цели (Черняховская, 2010, с. 83), и вместо «советского человека» появляется ироническая и критическая номинация

“*homo Sovieticus*”⁶, который, по оценкам ряда социолингвистов, есть просто «рупор партийных идей» (Юрчак 2014, с. 39). Ставка на массовость, когда советская идеология стремилась воспитать идеального исполнителя, обернулась безликостью массы и ее равнодушным отправлением ритуалов и обрядов.

3.4. «Советский человек» в «идеологическом вакууме»

Отправляясь в экспедицию, чтобы дойти «до конца этого мира или до его начала», Воронин, по сути, совершает побег. Он в буквальном смысле оказывается в вакууме, вне привычных рамок какого-либо общественного, экономического или политического уклада. Тем не менее в его команде существует та же иерархическая пирамида: «знающее» командование (элита), приближенные к элите научные кадры и солдаты-исполнители. Опять назревает бунт — команда не хочет идти, не зная куда и зачем. Из всех членов экспедиции с ним остается только Изя Кацман.

Здесь необходимо подчеркнуть, что Стругацкие, конструируя систему образов в «Граде» четко понимали, что имеют дело с разными поколениями советских людей: «Мы отличались от поколения отцов разве что тем, что полагали для себя возможным мрачно молчать в ситуациях, когда отцы наши вынуждены (или рады?) были исступленно возглашать славу или ура» (Стругацкий, Стругацкий 1993в, с. 433). Воронин — представитель поколения «отцов», в то время как второй герой романа Изя Кацман принадлежит следующему поколению. Кацман появляется в пространстве Города из 1967 года, то есть он представитель «поколения, глотнувшего свободы», порождение «оттепели», но и жертва отката назад. Несмотря на свое явное диссидентство, Кацман — тоже «советский человек», но его «советскость» другого качества. Он говорит Воронину: «Ты ведь без поклонения не можешь, ты это с молоком матери всосал — необходимость поклонения чему-нибудь или кому-нибудь. Тебе же навсегда вдолбили в голову, что ежели нет идеи, за которую стоит умереть, то тогда и жить не стоит вовсе» (Стругацкий, Стругацкий 1990а, с. 348). Но и сам Кацман поклоняется идее — он «жрец храма культуры». Жрецы храма — это те, «кто носит его в себе. Те, через души которых он растет и в душах которых существует» (Там же, с. 344). В целом вполне удовлетворительная цель для интеллектуалов и интеллигентов из круга читателей братьев Стругацких, но откровенно элитарная и поэтому не работающая для большинства, даже в качестве «потребителей, которые вкушают» от храма культуры.

Пожалуй, именно в этой части романа Стругацкие решились развернуть перед читателем весь спектр возможных целей, к которым может стремиться человек. Не «советский», а просто человек. «Хрустальный дворец» — сытость и комфорт, «Башня» — потребительские товары, «Плантация» — видимо, плотские удовольствия, «Музей» — книги

⁶ Относительно дискуссии вокруг номинации *homo sovieticus* с двух противоположных точек зрения см.: (Фокин 2021).

и архивы. Воронин дошел до всех целей и... прошел мимо. Путешествие Воронина по сюрреальному пространству «Града обреченного» закончилось, по сути, ничем. По мировоззрению своему он так и остался «советским человеком»: он будет трудиться, он пойдет на подвиг и даже на жертвы, чтобы найти цель своего движения вперед. Но для начала он займется переделкой мира вокруг себя.

Воронин в конце своего пути закономерно оказывается снова в 1951 году. И сами Стругацкие по своему мировоззрению были и остались «советскими»: они были убеждены, что человека можно и нужно делать лучше, но хорошо бы обойтись без глобального переустройства мира. По их мнению, советский проект предлагал верную этическую основу поведения личности, только неверными методами. Борис Стругацкий на закате жизни писал о себе, и о брате, и обо всем поколении «рожденных в СССР»: «В сущности, они по воспитанию своему и в самой своей основе были — большевики. Комиссары в пыльных шлемах. Рыцари святого дела. Они только перестали понимать — какого именно» (цит. по: Витицкий 1995, с. 68).

4. Выводы

Постоянное присутствие остаточной идеологии и попытка к бегству от нее — основная черта семиосферы романа «Град обреченный» — позволили авторам через знаковую систему образов проследить генезис концепта «советского человека» от революционера-разрушителя 1920-х годов к строителю-созидателю 1930-х; от человека-исполнителя («винтика государственной машины») 1940–1950-х годов до безликого «строителя коммунизма» 1960–1980-х. Введенный в советское идеологическое пространство сразу после революции концепт «нового советского человека» не был монолитен в течение всей советской истории, получая разную идеологическую нагрузку. Идеологические установки заставляли расширять личное пространство человека до масштабов страны, а то и всего мира, что в итоге оказалось чревато утратой достижимой цели. Однако, уже в раннем творчестве Стругацких заметна мысль, что даже без идеологического цемента концепт «советского человека», в основе которого труд, подвиг, долг, жертва, невероятно трудно разрушить. Это самая устойчивая дефиниция, самая искренняя, не по должности, а по духу, которая действовала еще долго после того, как перестал существовать СССР. Она оказалась настолько витальной и привлекательной, что даже перешла в новое идеологическое поле, сохранив значительную часть установок на определенное поведение и мировоззрение личности.

Список литературы

Бахтин, М.М., 1986. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. *Эстетика словесного творчества*. М., с. 297–325. [Bakhtin, M.M., 1986. The problem of text in linguistics, philology and other humanities. In: *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, pp. 297–325 (in Russ.)].

Бондаренко, С.П., Курильский, В.М., сост., 2014. *Стругацкие. Материалы к исследованию: письма, рабочие дневники. 1985 – 1991 гг.* Волгоград. [Bondarenko, S.P. and Kurilsky, V.M., eds., 2014. *Strugatskies. Materialy k issledovaniyu: pis'ma, rabochie dnevniki. 1985 – 1991 gg.* [The Strugatsky brothers. Research materials: letters, work diaries. 1985 – 1991]. Volgograd (in Russ.).]

Гества, К., 2013. Homo Sovieticus и крах советской империи: неприятные социальные диагнозы Левады. *Вестник общественного мнения*, 3–4 (116), с. 111–117. [Gestwa, K., 2013. Soviet Man. The history and ambivalence surrounding a collective singular form. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [Bulletin of Public Opinion], 3-4 (116), pp. 111–117 (in Russ.)] EDN: VJCJGW, <https://doi.org/10.24411/2070-5107-2018-00004>.

Гольдт, Р., 2012. Личность и этос науки в позднесоветский период: Об одном «померанцевском подтексте» у братьев Стругацких. *Человек и личность в истории России, конец XIX – XX век: матер. междунар. коллоквиума (Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 года)*. СПб., с. 83–99. [Goldt, R., 2012. The identity and ethos of science in the late Soviet period: a “Pomerants subttext” in the texts of the Brothers Strugatsky. In: *Chelovek i lichnost' v istorii Rossii, konets XIX – XX vek: materialy mezhdunarodnogo kollokviума* [Man and personality in the history of Russia, the end of the XIX – XX century: proceedings of the International Colloquium] (St. Petersburg, June 7–10, 2010). St. Petersburg, pp. 83–99 (in Russ.)] EDN: TRJPMH.

Горин, Г., 1959. Путешествие на Венеру. *Знание – сила*, 12, с. 50. [Gorin, G., 1959. A trip to Venus. *Znanie – sila* [Knowledge is power], 12, p. 50 (in Russ.).]

Иванова, М.Е., 2020. Язык идеологии и идеология языка: аспекты взаимодействия. *Manuscript*, 13 (1), с. 133–140. [Ivanova, M.E., 2020. Language of ideology and the ideology of language: aspects of interaction. *Manuscript*, 13 (1), pp. 133–140 (in Russ.)] EDN: NHRJVC, <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.27>.

Купина, Н.А., 1995. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь. [Kupina, N.A., 1995. *Totalitarnyi yazyk: slovar' i rechevye reaktsii* [Totalitarian language: vocabulary and speech reactions]. Yekaterinburg; Perm (in Russ.)] EDN: SIQGFV.

Купина, Н.А., 2012. Советский конформизм в зеркале языка. *Политическая лингвистика*, 2 (40), с. 27–32. [Kupina, N.A., 2012. Soviet conformism as reflected in the language. *Political Linguistics*, 2 (40), pp. 27–32 (in Russ.)] EDN: PCAVPB.

Лотман, Ю.М., 2000. Внутри мыслящих миров. *Семисфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров*. СПб., с. 150–220. [Lotman, Yu.M., 2000. Inside the thinking worlds. In: *Semisfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri mysl'yashchikh mirov* [The semiosphere. Culture and explosion. Inside the thinking worlds]. St. Petersburg, pp. 150–220 (in Russ.).]

Молостова, Е.С., 2012. Модели «нового человека» в советский период: подступы к трансгуманизму. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 20 (139), с. 168–175. [Molostova, E.S., 2012. Models of the “new man” in the Soviet period: approaches to transhumanism. *НОМОТНЕТИКА: Philosophy. Sociology. Law*, 20 (139), pp. 168–175 (in Russ.)] EDN: SYBAPL.

Пинский, А., ред., 2018. *После Сталина: позднесоветская субъективность (1953 – 1985)*. СПб. [Pinsky, A., ed., 2018. *Posle Stalina: pozdnesovetskaya sub'ektivnost' (1953 – 1985)* [After Stalin: late soviet subjectivity (1953–1985)]. St. Petersburg (in Russ.)] EDN: LOBHNA.

Савин, А.И., 2019. Путешествия советского героя. *Новое прошлое*, 1, с. 214–223. [Savin, A.I., 2019. Journeys of the Soviet hero. *Novoe proshloe* [The New Past], 1, pp. 214–223 (in Russ.)] EDN: NDAWXN, <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2019-1-214-223>.

Савина, Т.В., 2023. Русский язык советского типа: к определению понятия. *Сибирский филологический журнал*, 1, с. 297–310. [Savina, T.V., 2023. Russian language of the Soviet era: definition of the concept. *Siberian Journal of Philology*, 1, pp. 297–310 (in Russ.)] EDN: QNKAGL, <https://doi.org/10.17223/18137083/82/22>.

Сичинава, В. В., 2022. Концепт СОВЕТСКИЙ НАРОД в первой половине XX века: языковая репрезентация и концептуальная составляющая. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 15 (1), с. 18–22. [Sichinava, V. V. 2022. The concept of the Soviet people in the first half of the 20th century: linguistic representation and conceptual structure. *Philology. Theory & Practice*, 15 (1), pp. 18–22 (in Russ.)] EDN: QLEKUL, <https://doi.org/10.30853/phil20210692>.

Тульчинский, Г. А., 2024. Кто и как производит будущее (новая философия общего дела А. А. Фёдорова). *Слово. ру: балтийский акцент*, 15 (4), с. 8–24. [Tulchinskiy, G. L., 2024, Who and how produces the future. Alexander Fedorov's new philosophy of common cause. *Slovo. ru: Baltic accent*, 15 (4), pp. 8–24 (in Russ.)] EDN: AQQGRA, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2024-4-1>.

Фокин, А. А., 2021. «Советский человек» одновременно существует и не существует. *Новое прошлое*, 4, с. 238–247. [Fokin, A. A., 2021. "The Soviet man" both exists and does not exist. *Novoe proshloe* [The New Past], 4, pp. 238–247 (in Russ.)] EDN: QOYBVQ, <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2021-4-238-247>.

Фокин, А. А., 2022. «Советский народ»: от политической истории к истории понятий. *Новое прошлое*, 4, с. 202–211. [Fokin, A. A., 2022. "Soviet People": from political history to the history of concepts. *Novoe proshloe* [The New Past], 4, с. 202–211 (in Russ.)] EDN: XOWFJA, <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2022-4-202-211>.

Халфин, И., 2023. Автобиография большевизма. Между спасением и падением. М. [Khalfin, I., 2023. *Avtobiografiya bol'shevizma. Mezhdru spaseniem i padeniem* [The autobiography of Bolshevism. Between salvation and fall]. Moscow (in Russ.)].

Черняховская, Ю. С., 2010. Власть и история в политической философии братьев Стругацких. *Власть*, 2, с. 80–83. [Chernyakhovskaya, Yu. S., 2010. Power and history in the political philosophy of the Strugatsky Brothers. *Vlast'* [Power], 2, pp. 80–83 (in Russ.)] EDN: JXKZQW.

Черняховская, Ю. С., 2011. Россия и проблема деидеологизации в историко-политической концепции братьев Стругацких. *Власть*, 4, с. 63–66. [Chernyakhovskaya, Yu. S., 2011. Russia and the problem of de-ideologization in the Strugatsky brothers' historical-political conception. *Vlast'* [Power], 4, pp. 63–66 (in Russ.)] EDN: NTWKMD.

Юрчак, А., 2014. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М. [Yurchak, A., 2014. *Eto bylo navsegda, пока ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever, until it was over. The last Soviet generation]. Moscow (in Russ.)].

Evans, A. B., 1994. *Soviet Marxism-Leninism: the decline of an ideology*. Westport.

Fitzpatrick, Sh., 2005. *Tear off the masks! Identity and imposture in twentieth-century Russia*. Princeton.

Kuromiya, H., 2003. How do we know what the people thought under Stalin? *Советская власть – народная власть? Очерки истории народного восприятия советской власти в СССР*. Т. Вихавайнен, ред. СПб., с. 30–49. [Kuromiya, H., 2003. How do we know what the people thought under Stalin? In: T. Vihavainen, ed. *Sovetskaya vlast' – narodnaya vlast'?* *Ocherki istorii narodnogo vospriyatiya sovetskoi vlasti v SSSR* [Is the Soviet government a people's government? Essays on the history of popular perception of Soviet power in the USSR]. St. Petersburg, pp. 30–49].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Витицкий, С., 1995. Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики. М. [Vititskiy, S., 1995. *Poisk prednaznacheniya, ili Dvadtsat' sed'maya teorema etiki* [The search for purpose, or the twenty-seventh theorem of ethics]. Moscow (in Russ.)].

Полевой, Б., 1948. Мы – советские люди. М. [Polevoy, B., 1948. *My – sovetskie lyudi* [We are Soviet people]. Moscow (in Russ.)].

Сталин, И. В., 1997. *Сочинения*. Т. 15. М. [Stalin, I. V., 1997. *Sochineniya* [Essays]. Vol. 15. Moscow (in Russ.)].

Стругацкий, А., Стругацкий, Б., 1990а. Град обреченный. *Град обреченный. Отягощенные злом, или Сорок лет спустя*. М., с. 3–350. [Strugatsky, A. and Strugatsky, B., 1990a. The city is doomed. In: *Grad obrechenniy. Otyagoshchennye zlom, ili Sorok let spustya* [The city is doomed. Burdened with evil, or forty years later]. Moscow, pp. 3–350 (in Russ.)].

Стругацкий, А., Стругацкий, Б., 1990б. Трудно быть богом. *Сочинения*. М., с. 107–270. [Strugatsky, A. and Strugatsky, B., 1990b. It's hard to be a god. In: *Sochineniya* [The essays]. Moscow, pp. 107–270 (in Russ.)].

Стругацкий, А. Н., Стругацкий, Б. Н., 1992а. *Полдень, XXI век*. М. [Strugatsky, A. N. and Strugatsky, B. N., 1992a. *Polden', XXI vek* [Noon, 21st century]. Moscow (in Russ.)].

Стругацкий, А., Стругацкий, Б., 1992б. Стажеры. *Стажеры. Фантастические повести*. М., с. 87–300. [Strugatsky, A. and Strugatsky, B., 1992b. The Apprentices. In: *Stazhery. Fantasticheskie povesti* [The Apprentices. Science fiction novels]. Moscow, pp. 87–300 (in Russ.)].

Стругацкий, А., Стругацкий, Б., 1993а. Страна багровых туч. *Страна багровых туч. Рассказы. Статьи, интервью*. М., с. 10–252. [Strugatsky, A. and Strugatsky, B., 1993a. The land of crimson clouds. In: *Strana bagrovyykh tuch. Rasskazy. Stat'i, interv'yu* [The land of crimson clouds. Stories. Articles, interviews]. Moscow, pp. 10–252 (in Russ.)].

Стругацкий, А., Стругацкий, Б., 1993б. Вопросы без ответов. *Страна багровых туч. Рассказы. Статьи, интервью*. М., с. 417–432. [Strugatsky, A. and Strugatsky, B., 1993b. Unanswered questions. In: *Strana bagrovyykh tuch. Rasskazy. Stat'i, interv'yu* [The land of crimson clouds. Stories. Articles, interviews]. Moscow, pp. 417–432 (in Russ.)].

Стругацкий, А., Стругацкий, Б., 1993в. Жить интереснее, чем писать. *Страна багровых туч. Рассказы. Статьи, интервью*. М., с. 432–440. [Strugatsky, A. and Strugatsky, B., 1993c. It's more interesting to live than to write. In: *Strana bagrovyykh tuch. Rasskazy. Stat'i, interv'yu* [The land of crimson clouds. Stories. Articles, interviews]. Moscow, pp. 432–440 (in Russ.)].

Стругацкий, Б., 2001. Комментарии к пройденному. *Стругацкие А. и Б. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 7. Донецк*, с. 582–590. [Strugatsky, B., 2001. Commentaries on the past. In: *Strugatskie A. i B. Sbranie sochinenii: v 12 t. T. 7. Donetsk*, с. 582–590 (in Russ.)].

Об авторе

Татьяна Вячеславовна Савина, кандидат филологических наук, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, заведующий кафедрой иностранных языков, Новосибирск, Россия.

E-mail: tsavina2005@mail.ru

Для цитирования:

Савина Т. В. Семиотика концепта «новый советский человек» в творчестве братьев Стругацких: от цикла «Мир полудня» до романа «Град обреченный» // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №3. С. 189–204. doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-12.

SEMIOTICS OF 'THE NEW SOVIET MAN' CONCEPT IN THE WORKS OF THE STRUGATSKY BROTHERS: FROM THE "NOON UNIVERSE" TO THE "DOOMED CITY"

Tatiana V. Savina

Siberian Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
6 Nizhegorodskaya St., Novosibirsk, 630102, Russia

Submitted on 29.10.2024

Accepted on 15.04.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-12

The article attempts to reconstruct the genesis of the concept of the 'new Soviet man' within the framework of communist ideology. An interdisciplinary research perspective enables an analysis of the development of the concept of the 'Soviet man' at the intersection of linguistics and history, viewed through the lens of the literary texts by Arkady and Boris Strugatsky. As a result, the literary text is examined as a semiotic model of communication, in which the sender and the recipient of the text are linked through the narrative language and regarded as objects of historical analysis. The theme of the 'new man' constitutes the historiographical core of the Strugatsky brothers' oeuvre. Already in their early works, Arkady and Boris Strugatsky formulated the principal characteristics of the concept of the 'Soviet man' as a person of labour (action), a person of duty (sacrifice), and a person of science (enlightenment). This concept undergoes a significant transformation over the course of their literary work. The analysis of the semiosphere of the novel "The Doomed City" ("Grad obrechennyi", 1975) demonstrates that the Strugatskys succeeded in tracing the genesis of the 'Soviet man' through a symbolic system of images: from the revolutionary-destroyer of the 1920s, to the builder-creator of the 1930s; from the obedient executor – a cog in the state machine – of the 1940s and 1950s, to the individual of 'developed socialism' in the 1960s – 1970s. This, in turn, allows for the identification of both the internal limitations of the 'new Soviet man' concept – above all, its dependence on ideology – and its transhistorical vitality and enduring appeal.

Keywords: 'new Soviet man', concept, semiotics, Strugatsky brothers, "The Doomed City"

The author

Dr. Tatiana V. Savina, Head of the Department of Foreign Languages and Language Didactics, Siberian Institute of Management, branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: tsavina2005@mail.ru

To cite this article:

Savina T. V., 2025, Semiotics of 'the new Soviet man' concept in the works of the Strugatsky brothers: from the "Noon Universe" to the "Doomed City", *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 3, pp. 189–204. doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-12.

